

Александр Рудазов

АРХИМАГ
РЫЦАРИ ПРЕЧИСТОЙ ДЕВЫ
САМОЕ ЛУЧШЕЕ ОРУЖИЕ
СЕРЯЯ ЧУМА
ВОЙНА КОЛДУНОВ. ВТОРЖЕНИЕ
ВОЙНА КОЛДУНОВ. ШТУРМ ЦИТАДЕЛИ
ДЕТИ СУДНОГО ЧАСА
СОВЕТ ДВЕНАДЦАТИ
ШУМЕРСКИЕ НОЧИ
БИТВА ПОЛЧИЩ
ЗАРЯ НАД БЕЗДНОЙ

ТРИ ГЛАЗА И ШЕСТЬ РУК
ШЕСТИРУКИЙ РЕЗИДЕНТ
ДЕМОНЫ В ВАТИКАНЕ
СЫН АРХИДЕМОНА

ТРИ МУДРЕЦА В ОДНОМ ТАЗУ
ТАЙНА ПОХИЩЕННОЙ БАШНИ

ЭКИПАЖ

РАССКАЗЫ ИЗ ПРАВОГО БОТИНКА

ВЛАСТЕЛИН

ЗВЕРОЛОВ

АРИФМОМАН. ЧЕРВОТОЧИНА
АРИФМОМАН. В НЕБЕСАХ

Александр Рудазов

Арифмоман. В небесах

Роман

Москва, 2016
The logo features a stylized 'E' symbol on the left, followed by the word 'ARMA' in a bold, outlined font. Below 'ARMA' is a horizontal line, followed by an ampersand '&', another horizontal line, and the word 'ALFA-KNIGA' in a smaller, outlined font.
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Р83

Художник
И. Воронин

Рудазов А. В.

Р83 Арифмоман. В небесах: Фантастический роман. —
М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2016. — 313 с.: ил.

ISBN 978-5-9922-2344-6

День Костяного Тигра 1514 года по календарю Парифата. По земному... вероятно, 9 декабря 2016 года. Не уверен точно. Нахожусь в небе другой планеты... возможно, параллельного мира. Этот вопрос еще не прояснен окончательно.

12 августа сего года я, Исидор Яковлевич Эйхгорн, 1973 года рождения, совершил открытие, обнаружив туннель в пространстве. То явление, что в быту именуют «червоточиной» или «кротовиной». Сочтя своим долгом исследовать находку более близко, я последовал внутрь и обнаружил на другой стороне совершенно новый мир. В чем-то похожий и даже идентичный нашему, а в чем-то — абсолютно другой.

Среди самых серьезных отличий стоит назвать необычные, порой даже аномальные образчики флоры и фауны, а также уникальные вещества. А кроме того — явление, которое туземцы именуют «магией». Во многом это действительно похоже на волшебство из сказок, однако я уверен, что со временем смогу найти рациональное объяснение.

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Рудазов А. В., 2016
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2016

ISBN 978-5-9922-2344-6

Из аудиозаписок Эйхгорна

День Костяного Тигра 1514 года по календарю Парифата. По земному... вероятно, 9 декабря 2016 года. Не уверен точно. Нахожусь в небе другой планеты... возможно, параллельного мира. Этот вопрос еще не прояснен окончательно.

12 августа сего года я, Исидор Яковлевич Эйхгорн, 1973 года рождения, совершил открытие, обнаружив туннель в пространстве. То явление, что в быту именуют «червоточиной» или «кротовиной». Сочтя своим долгом исследовать находку более близко, я последовал внутрь и обнаружил на другой стороне совершенно новый мир. В чем-то похожий и даже идентичный нашему, а в чем-то — абсолютно другой.

Среди самых серьезных отличий стоит назвать необычные, порой даже аномальные образчики флоры и фауны, а также уникальные вещества. А кроме того — явление, которое туземцы именуют «магией». Во многом это действительно похоже на волшебство из сказок, однако я уверен, что со временем смогу найти рациональное объяснение.

В этом мире, носящем название Парифат, мне удалось установить контакт с аборигенами и даже некоторое время занимать в их социально-экономической системе достаточно высокое положение. Официально моя должность называлась «придворный волшебник».

К сожалению, вернуться на Землю и сообщить о находке я пока что не могу. Однако пока что я к этому и не

стремлюсь. Сейчас меня в первую очередь интересуют дальнейшие исследования этого нового мира. С целью облегчения передвижения я построил небольшой одноместный самолет и поднялся на нем в воздух. В данный момент двигаюсь над пустыней, принадлежащей государственному образованию Нбойлех. Предполагаю вскорости достичь его столицы, Ибудуна, чтобы решить критически важную проблему.

У меня сломались очки.

ГЛАВА 1

Какой же великолепный вид открывается с высоты птичьего полета! Эйхгорн не раз прыгал с парашютом, летал на вертолете и парaparplane, но все равно не уставал восхищаться этой панорамой. Под тобой словно простирается огромная карта — и такая точная и красочная, каких ни за что не начертить человеку.

Деревни, леса, поля, реки... Весь Парибул как на ладони. Все то, что Эйхгорн до этого исколесил, пересчитал и занес в реестр, теперь лежало по обе стороны крыльев. Позади остался городок Альбруин — и Эйхгорн понятия не имел, увидит ли его еще когда-нибудь.

Как жаль, что он в этом небе далеко не первый. Было бы приятно чувствовать себя пионером авиации. Увы, ковролетчики опередили Эйхгорна давным-давно... а возможно, и не только они. Наверняка у волшебников тоже есть какие-то летательные средства.

Здесь, в небе, окончательно подтвердилось, что это другая планета. Во-первых, горизонт действительно намного дальше — тут уже не спишешь на обман зрения и преломление солнечных лучей. Во-вторых, температура понижается гораздо медленнее. Эйхгорн поднялся уже по крайней мере на километр, но холоднее почти не стало. Разница от силы в пару градусов — а должно быть шесть-семь.

Видимо, тропосфера здесь в разы толще, чем на Земле. Жаль, нет барометра, чтобы это проверить. По личным ощущениям атмосферное давление если и отличается, то незначительно.

Движок пока что работал стабильно. Правда, спустя час полета у него обнаружился недостаток — жаркамень сильно нагревал металл. В маленьком, почти игрушечном самолетике это ощущалось очень хорошо, и Эйхгорн порадовался, что сделал сиденье и приборы деревянными, а кабину — открытой. В ней ощутимо пахло касторкой — похоже, масло тоже перегревалось.

Если не считать компаса, астролябии и бумажной карты, у Эйхгорна не было никаких средств навигации. Скорость и высота определялись на глазок. Однако по приблизительным оценкам «Переперделка» развивала шестьдесят — семьдесят километров в час. Парибульскую границу она пересекла уже через полчаса, до Ибудуна должна была добраться к вечеру.

Пока что внизу продолжались Маленькие Королевства. Судя по карте, Эйхгорну предстояло пролететь над Лимоей, Бередилом и Епаром — а уже за ним начинался великий халифат Нбойлех.

Великий халифат. В бессчетный уже раз Эйхгорн задумался об этой лингвистической аномалии. Совершенно ясно, что в этом мире нет и не может быть халифатов, равно как и халифов, — ведь здесь же не было Магомета, так что нет и ислама. Очевидно, что государственная система Нбойлеха называется как-то иначе, но Эйхгорн упорно слышит и читает «халифат».

Если вдуматься, с королевствами и королями то же самое. Слово «король» произошло от имени собственного — Карл Великий. Английское «king» и немецкое «könig» — от скандинавских конунгов. На другой планете правители и государства должны называться иначе. Но мозг Эйхгорна воспринимает именно «короля», даже не слыша, как это произносится на местном языке.

Этому обязано быть какое-то объяснение.

Но сейчас Эйхгорну было не до этого. Он не просто летел на север — он также и заново измерял эту планету. Еще в Альбруине он измерил полуденную высоту местного солнца

и теперь, когда снова приближался полдень, делал это повторно.

Конечно, узнать таким образом хоть сколько-нибудь точные числа невозможно, но это Эйхгорну сейчас и не требовалось. Он просто хотел выяснить их порядок. Удостовериться, что диаметр этой планеты действительно вчетверо больше земного. Что он не слишком сильно ошибся, когда измерял его по формуле дальности горизонта.

И он в этом удостоверился. Если перевести местное время в земное, Эйхгорн стартовал в 07:54 — соответственно полдень наступил через четыре часа и шесть минут. Даже если принять скорость «Переперделки» за самую минимальную, он пролетел не менее двухсот километров и двигался точно на север. На Земле высота солнца сместилась бы как минимум на два градуса — здесь же нет и половины.

Значит, в отношении радиуса этой планеты Эйхгорн не ошибся. Ее объем и в самом деле примерно равен объему Нептуна. А поскольку сила тяжести почти не отличается, ее масса больше земной всего в шестнадцать раз. Но как это можно объяснить?

Объяснение первое — Эйхгорн все равно где-то серьезно напортачил в измерениях или вычислениях. Однако это вряд ли. Конечно, все полученные им данные довольно приблизительно, но допустить грубую ошибку он точно не мог.

Объяснение второе — здешние физические законы отличаются от земных, поэтому привычные формулы не работают. Однако это вряд ли. Пока что Эйхгорн не заметил никаких принципиальных отличий — все вокруг работает так же или почти так же, как на Земле. Применяв бритву Оккама, можно отвергнуть это объяснение, как не имеющее предпосылок.

Наконец, объяснение третье — эта планета действительно очень «легковесна». Возможно, она состоит из очень легких пород. Или в ее недрах имеются значительные пустоты. Когда-то учеными выдвигалась гипотеза «полый Земли»... не окажется ли эта гипотеза справедливой для Парифата?

Вот только как это проверить?

Пейзаж внизу понемногу менялся. Бесконечная зелень лесов и лугов превратилась в пожухлую желтизну, усеянную синими крапинками. Видимо, сейчас как раз цвели какие-то местные растения.

Всхолмленная равнина тянулась около четверти часа, а потом окончательно исчезли все цвета, кроме желтого. Начались барханные пески — куда ни посмотри, были только они.

Эйхгорн сверился с картой, сверился с компасом, глотнул кофе из термоса и повернул самолет левее. Его цель, город Ибудун, располагалась на берегу Бархатного моря, в юго-западной части страны. Там лежат цветущие земли с очень мягким климатом, но только вдоль береговой полосы. Всего полусотней километров восточнее начинается бескрайняя пустыня — над ней Эйхгорн сейчас и летит.

Из всех парибульских знакомых Эйхгорна в этих краях бывал только коннетабль — с миротворческой миссией. Двадцать лет назад здесь орудовала на редкость крупная разбойничья шайка... даже не шайка, а целое войско — более двух тысяч человек. Эти бедуины, или кем они там были, постоянно делали набеги на Маленькие Королевства, грабили и сжигали целые деревни, а то и города, после чего растворялись на просторах Нбойлеха.

Сам Нбойлех с этой проблемой разбираться не спешил. То ли разбойники засылали халифу бакшиш, то ли вообще действовали по прямой его указке — власти никак не реагировали на происходящее. И когда стало совсем уж невозможно, одиннадцать Маленьких Королевств, в том числе и Парибул, отправили в пустыню объединенную армию из пяти тысяч бойцов. Возглавлял ее принц Хоммер, а нынешний коннетабль состоял при нем в ординарцах.

Историю эту он рассказывал часто и с удовольствием. По его словам, они почти четыре луны провели в пустыне, питаясь чем попало. Пережили две страшные песчаные бури, убили гигантскую многоножку, а в конце концов расправились с проклятыми бедуинами. Голову их главаря потом на-

садили на пику и перевозили из королевства в королевство, пока та совсем не сгнила.

Если же не считать бедуинов, эти места никогда не были густо населены. Большая часть нбойлехцев проживает на морских берегах — их государство расположено на огромном полуострове. Кое-где пустыню пересекают караванные тропы, но их всего ничего. Обычно грузы и людей перевозят водой — это проще и быстрее, чем тащиться по бесплодным дюнам.

Само собой, в пустыне Эйхгорн приземляться не собирался. Да и вообще не был уверен, что сумеет приземлиться так же успешно, как взлетел. Он ведь не профессиональный пилот. Да, он посещал летные курсы и имеет любительскую лицензию, но его суммарный налет отличается прискорбной краткостью, а посадка всегда была слабым местом.

И это на земных машинах, с современным оборудованием и великолепной системой навигации.

Но именно на такой случай Эйхгорн и сделал себе парашют. На его счету уже одиннадцать прыжков, и он был полностью уверен, что сумеет совершить двенадцатый.

Однако этого все же хотелось бы избежать. Эйхгорн не для того вложил столько времени, сил и средств в свою «Переперделку», чтобы убить ее в первом же полете. Он рассчитывал еще не раз подняться на ней в воздух.

По мере того как солнце клонилось к закату, погода все больше портилась. Ясное небо сменилось пасмурным, а потом вовсе покрылось тучами. Нечасто увидишь в пустыне подобное.

За воем пропеллера и хлопками двигателя Эйхгорн не сразу расслышал другие звуки. Громовые раскаты. Обернувшись, он неприязненно посмотрел на восток — там уже стояла водяная стена и сверкали молнии. Судя по ландшафту под крылом, дождь в этой местности гостил редко — но вот надо же было ему зарядить именно сегодня!

Очередная молния. Раз... два... три... четыре... гром! Пауза чуть длиннее четырех секунд — значит, до грозы около полутора километров. Возможно, если повернуть на запад,

Эйхгорн сумеет опередить непогоду. Если нет — придется садиться в пустыне. Полеты в грозу на толком не испытанном прототипе — не самое мудрое поведение.

Увы, ветер тоже крепчал. Если до этого «Переперделка» скользила по воздуху, как бывалый конькобежец, то теперь ее стало потряхивать. Эйхгорн снял колпак волшебника и натянул панаму, закрепив ее под подбородком.

Жаль, нет летных очков. Эйхгорн подумывал заказать такие стеклодуву, но их было бы слишком неудобно надевать поверх обычных. Дома у Эйхгорна были и защитные очки с диоптриями, и даже подводная маска... но дом остался на Земле.

Уже через двадцать минут стало очевидно, что уйти от грозы не получится. Ветер из крепкого стал очень крепким, «Переперделку» колыхало, как парусник в шторм. В двигателе появились какие-то новые шумы.

Эйхгорн попытался сделать аудиозаметку, чтобы описать происходящее, но не услышал собственного голоса. Гром гремел уже совсем близко. Промежутки между раскатами и вспышками сократились до двух секунд — гроза стремительно нагоняла крохотный самолетик.

И через несколько минут она его нагнала. До вечера было еще далеко, но вокруг воцарилась тьма египетская. Тучи полностью заволокли небо, и лишь вспышки молний освещали дорогу. Вот очередная шарахнула так близко, что Эйхгорна едва не ослепило. Он проверил лямки парашюта на спине и вытащил из грузоотсека мешки с припасами.

Эйхгорн однажды встречался с человеком, который утверждал, что в него трижды попадала молния. Врал, скорее всего. По статистике, шанс на протяжении человеческой жизни оказаться жертвой молнии — один из трех тысяч. Нетрудно подсчитать, что шанс того, что с тобой это произойдет трижды, — один из двадцати семи миллиардов. На Земле просто нет столько людей.

С другой стороны, шансы повышаются, если жить или работать там, где часты грозы. Был же на свете такой человек, как Рой Салливан, который явно чем-то прогневил Зев-

са — ибо молния в него попадала аж семь раз. Даже не поймешь, считать ли его из-за этого неудачником или же все-таки везучим — ведь все семь раз он выжил.

Но Эйхгорн испытывать судьбу не собирался. В пустыне практически нет возвышенностей. Вероятность того, что одна из молний изберет целью его самолет, не равна ста процентам, но неудобно к этому близка. Будет жалко расставаться с собранной своими руками машиной, но жизнь дороже.

Внизу не видно ни зги. Вокруг хлещет дождь. Подхваченный ветром самолет несется вперед по воле стихии. В кабине уже плещется вода — ногам холодно и мокро. Остальным частям тела тоже. У Эйхгорна имелась теплая куртка с капюшоном, но достать ее сейчас из рюкзака и переодеться нет никакой возможности.

Да и не до этого сейчас. Гораздо важнее — что там с силовой установкой? Жаркамню-то влажность не помеха — проверено экспериментальным путем. Воду он кипятит гораздо лучше обычных раскаленных камней — паровая машина вышла бы на загляденье.

Но вот остальные части термодвигателя... в них Эйхгорн был не так уверен. Он собирался лететь в безоблачный день, над пустыней, в которой дождь выпадает хорошо если раз в полгода. Пока что движок работает нормально, но хлопает и кашляет заметно иначе — и эти новые звуки Эйхгорну совсем не по душе.

Хотя их все равно почти не слышно из-за грозы.

Эйхгорн заложил вираж, тшкетно пытаясь разглядеть землю сквозь покрытые каплями очки. Конечно, там должна быть все та же пустыня, но всегда есть шанс, что именно сейчас Эйхгорн пролетает над каким-нибудь провалом, воронкой или вообще зыбучими песками.

До этого Эйхгорн даже не пытался проделывать на «Переперделке» хоть какие-то фигуры пилотажа. И та, как выяснилось, относится к ним очень неодобрительно. Неопытного летчика вдавило в сиденье, а мир вокруг словно накренился — хотя на самом деле, конечно, накренился самолет.

Зато при очередной вспышке молнии Эйхгорн увидел землю. Ровная песчаная гладь, похожая на пляж во время дождя. А впереди несколько пятнышек... шатер?... лошади?... Разбитые очки давали не самый лучший обзор.

Но главное — никаких препятствий. Возможно, у Эйхгорна еще есть шанс приземлиться, сохранив самолет...

Вспышка!

Эйхгорна аж подбросило на сиденье. На сей раз молния попала в самолет — по счастью, хвостовую его часть. Кроме того, она не разрядилась тут же, а прошла насквозь, закончив путь где-то среди барханов.

Современной земной машине это не причинило бы вреда — они и так регулярно ловят молнии, — но склепанная из чего попало «Переперделка» стала стремительно терять высоту. Пропеллер чахло заверещал, двигатель явно получил сильные повреждения. И хорошо еще, что в хвосте не было деревянных частей — иначе бы он уже пылал.

Удара током Эйхгорн избежал, кабина была вполне сносно изолирована. Но надежды благополучно приземлиться пришлось отбросить. Он проверил лямки парашюта, покрепче ухватил мешок с провизией и выпрыгнул за борт.

Су-Дух Амедзи лежал ниц. Два его коня тоже лежали. Неразумно поднимать голову, когда в небесах воюют боги... или празднуют. Громовержец Космодан не так часто заглядывает в эти края, и раз уж заглянул — лучше не привлекать его внимание.

Страшны его белые молнии, безжалостны. В прошлом году двоюродного брата Су-Духа застала в дороге гроза, и этот дурак спрятался под деревом. Не знал, наверное, что Громовержцу не любы деревья и в гневе он частенько разит их молниями.

Нет, надо лежать и не подниматься. Прижав лицо к мокрому песку, Су-Дух горячо молился всем богам. Молился, чтобы те не убивали Су-Духа, дали еще немного пожить. Он ведь так молод, он даже не успел еще жениться и обзавестись потомством.

Кстати, о женитьбе. Если эта гроза праздничная, если боги сейчас что-то отмечают, они должны быть добры и милостивы. Су-Дух еще немного помолился, чтобы его не убивали, а потом стал молиться, чтобы боги послали ему невесту.

— Пусть будет красивая, — бормотал он. — Красивая, как дочка старшего караванщика, только не такая злая. Боги, пусть моя невеста будет доброй! Пусть наливает мне вино каждый раз, когда попрошу! Пусть чешет мне пятки по вечерам и хорошо расчесывает коням гриву! Пусть паре звезд будут подобны ее очи, паре кораллов — губы и паре дынь...

Кони вдруг заржали. Су-Дух прервал молитву и рискнул приподнять лицо. Его глаза округлились — с неба спускался человек.

Был он лыс, худ и небрит, облачен в мокрый балахон и держал два туго набитых мешка. Над ним простиралось нечто огромное и круглое...

— Боги, вы ошиблись! — воскликнул Су-Дух, возмущенно глядя в небо. — Я просил невесту! Не-вес-ту! Я что, невнятно говорил?!

Эйхгорн тем временем благополучно приземлился и принялся складывать парашют. Хотя немного подумав — вынул его совсем и оставил лежать на песке. Самолет потерян, нового у Эйхгорна в ближайшие месяцы точно не будет, так что незачем таскать лишнюю тяжесть. Лучше упаковать в рюкзак одежду и провизию.

Этим Эйхгорн и занялся. Пока он переключивал вещи, дождь начал стихать. Гроза пронеслась мимо, оставив залитый водой песок и несколько трубок фульгурита в местах попадания молний.

Из очков вывалилась правая линза. Лейкопластырь размок, и та перестала держаться в оправе. Эйхгорн окинул ее снулым взглядом, сунул в карман и взвалил на плечи рюкзак.

Только теперь он обратил внимание на туземца. Какой-то бедуин, похоже. На Эйхгорна тот смотрел с суеверным

страхом — наверное, не каждый день тут с неба падают люди.

— Эй, дружище, в какой стороне Ибудун? — спросил Эйхгорн.

— Туда, туда, в ту сторону! — торопливо замахал рукой бедуин.

Эйхгорн кивнул и молча двинулся в указанном направлении.

Бедуин облегченно выдохнул.

ГЛАВА 2

Солнце клонилось к закату. Эйхгорн продолжал перебирать ногами. Его лица не покидало безразличное выражение.

Сухой и жилистый, как старая бастурма, Эйхгорн никогда не отличался физической силой. Зато он обладал выносливостью верблюда и точно так же мог часами размеренно шагать по пустыне.

Теперь он воочию убедился, как много значат для Парибула холодные ветра с юго-востока. Всего пятьсот километров к северу — а как разительно переменялся климат! Вместо лиственных лесов — раскаленные пески, вместо приятного тепла — духота и жарища. словно перенесся с Кипра в Аравию.

Пустыни всегда раздражали Эйхгорна. В них слишком много песка. А песок состоит из отдельных песчинок. Очень-очень много отдельных песчинок, которые Эйхгорну подсознательно хотелось пересчитать. Он прекрасно понимал, что это не в человеческих силах (хотя Архимед предпринял неплохую попытку), но ему все равно хотелось.

Левая половина мира представляла перед Эйхгорном четкой и ясной. Правая расплывалась в мутном тумане. Временами он подносил к глазу вывалившуюся линзу, убеждался, что пейзаж меняется не слишком сильно, и продолжал отмерять шаги.

Его мучил зной. Ноги утопали в раскаленном песке, воздух был прогрет градусов до сорока, а голову нещадно пекло солнце. Пока Эйхгорн спускался на парашюте, панаму унесло порывом ветра, так что он надел кепку, а под нее еще и колпак волшебника. Хотелось раздеться полностью, но Эйхгорн прекрасно знал, насколько это страшная ошибка.

Через каждые четверть часа Эйхгорн делал глоток воды. Та сильно нагрелась, но жажду утоляла. Сухой воздух нещадно скреб горло, но, судя по размеренному пульсу, обезвоживание Эйхгорну пока не грозило.

После заката Эйхгорн продолжал идти. Сделал небольшой привал, чтобы поесть, а потом снова двинулся вперед. Он решил потерпеть со сном до утра — ночью идти по пустыне куда комфортнее. Можно не опасаться солнечного удара, вода расходуется медленнее...

По мере того как на небе высыпали звезды, становилось все прохладнее. Сорокаградусная жара сменилась комнатной температурой, а потом упала еще ниже. Эйхгорн даже надел куртку.

Ветер тоже стих. Еще бы куда-нибудь убраться песок — и было бы совсем замечательно.

Но он никуда исчезать не собирался. Пролившийся днем дождь давно поглотили барханы, и ноги увязали по самые щиколотки.

Периодически Эйхгорн сверялся с компасом. Ориентироваться в пустыне даже труднее, чем в лесу. Дюны обманчивы, они изгибаются так причудливо, что можно часами незаметно для себя бродить по кругу.

Когда стало светать, Эйхгорн поужинал сушеным мясом с картошкой, допил кофе и принялся устраиваться на ночлег. За неимением в пределах видимости скал или хотя бы крупных камней, способных укрыть от солнца, он сделал импровизированный навес из запасной одежды. В качестве стойки использовал рулетку — та могла намертво фиксироваться в любом положении, превращаясь в достаточно прочную стальную полосу.

Сейчас бы очень пригодился брошенный парашют, но... теперь уже поздно.

Проснулся Эйхгорн во втором полуденном часу. Зевнул, почесался и без аппетита сжевал кусок суджука, запив его теплой водой. Рюкзак потихоньку легчал.

Лежа в тени собственного балахона, Эйхгорн выждал еще пару часов. Когда солнце слегка опустилось и самый лютый зной спал, он упаковал пожитки и вновь зашагал на запад.

Сегодня дождем и не пахло. От горизонта до горизонта ни облачка. Ветра тоже нет — жарко, душно.

Заблудиться Эйхгорн не боялся. Нбойлех — полуостров, вытянутый к северу. Если все время идти на запад, рано или поздно выйдешь к берегу моря — а там люди, города, цивилизация. Оттуда уже будет нетрудно найти путь в Ибудун.

Вот только неизвестно, как долго еще идти. Эйхгорн не имел представления, где именно его застала гроза, предполагал лишь, что где-то в центральной области. На карте не было ни масштаба, ни координатной сетки, но, если сравнить с размерами того же Парибула, ширина южной части пустыни — около четырехсот километров. Возможно, и все пятьсот — средневековые картографы редко славятся точностью.

Как бы там ни было, путь впереди еще неблизкий.

Шагать по барханам было непросто, скорость Эйхгорн развивал невысокую. Постоянно случалось то подниматься, то спускаться, причем на спуске приходилось даже тяжелее — песок то и дело норовил осыпаться.

И воду нужно беречь. Провизию можно не экономить — ее Эйхгорн прихватил с запасом, — а вот с водой гораздо хуже. Он ведь рассчитывал добраться до Ибудуна за один день — кто же мог знать, что вмешается форс-мажор с громом и молниями?

Нормальное суточное потребление воды для взрослого человека — полтора литра. Но это при комнатной температуре. В жару возрастает потоотделение, и потребление воды повышается до двух литров, а в сильную жару — до трех.

Часть жидкости, конечно, можно получать с пищей, но вся провизия Эйхгорна высушена до полного обезвоживания.

Примерно половину своего запаса Эйхгорн уже потребил. Кофе тоже закончился. Осталось два с половиной литра воды и все еще не раскупоренный сидр. Напиток это слабоалкогольный, крепость даже ниже, чем у пива, так что можно его тоже принять за воду.

Но даже так — запасов хватит в лучшем случае еще на два дня. Если сократить порции — на три. Потом Эйхгорн начнет страдать от жажды.

Правда, у него имелся дополнительный козырь. Агатый амулет, найденный в башне волшебника. Эйхгорн неоднократно экспериментировал с ним и убедился, что он способен давать... ощущение воды. Все еще неизвестно, насколько эта вода реальна, утоляет ли она жажду или просто обманывает чувства, но Эйхгорн от души надеялся, что первое.

Должно же это пресловутое волшебство приносить пользу?

Спустя сутки у Эйхгорна остался только литр воды и сидр. Он старался экономить, но стало еще жарче, потоотделение возросло, организм быстро расходовал жидкость, а как следствие — слабел. Эйхгорн не мог позволить себе ослабеть, поскольку вместе с этим снижалась и скорость передвижения. Лучше продолжать двигаться быстро, насколько это возможно.

Еще день спустя вода закончилась полностью, и Эйхгорн откупорил сидр. Тот очень сильно нагрелся, но на вкус оказался неплох.

Хотя градусов в нем было даже меньше, чем Эйхгорн думал, — всего два, от силы два с половиной.

За трое суток в пустыне Эйхгорн не встретил никаких признаков цивилизации. Временами под песком что-то шуршало — тушканчики, агамы, сколопендры? В небе иногда появлялись птицы, неприятно похожие на стервятников, но Эйхгорн пока что не вызывал у них интереса. Вдали

несколько раз виднелись какие-то четвероногие — из-за сломанных очков Эйхгорн не мог толком их рассмотреть.

Но ни единого человека. Только тот бедуин, рядом с которым Эйхгорн приземлился. Наверное, где-то рядом с тем местом был их лагерь, оазис или хотя бы караванная тропа — но в тот момент Эйхгорна это не волновало. Ему казалось, что раз уж он, выпрыгнув в совершенно случайной точке, свалился едва не на голову какому-то типу, значит, здесь уже более-менее оживленные места.

Кто же мог знать, что теория вероятности так зло над ним подшутила?

Признаки цивилизации Эйхгорн увидел на четвертый день. Правда, не людей, а всего лишь строение — и явно давно заброшенное.

Пирамида. То была самая настоящая пирамида, очень похожая на египетскую. Стояла себе посреди дюн, частично занесенная песком, но спокойная и невозмутимая. Ей не было дела до двуногой букашки, что ползла мимо, посасывая кусочек агата.

Увидь Эйхгорн такое раньше — решил бы, что попал в Древний Египет. Но теперь он совершенно точно знает, что находится не на Земле, а значит... значит, парифатцы тоже строят пирамиды. Или строили раньше. Собственно, ничего особо удивительного — не так уж много существует простых геометрических фигур.

Интересно только, для чего эта пирамида предназначена. Тоже для захоронения каких-нибудь фараонов? Или все-таки для чего-то еще?

Пожалуй, в другое время Эйхгорн непременно задержался бы здесь на денек, изучил интересную находку детально, попытался проникнуть внутрь. Но сейчас он изнывал от жары, у него кончилась вода, и он спешил добраться до людей. Невооруженным глазом видно, что в этой пирамиде никто не живет.

Еще день спустя агатовый талисман почти перестал помогать. Эйхгорн все сильнее уверялся, что тот не утоляет жажду по-настоящему, а лишь приглушает ее. И то ска-

зять — откуда в крохотном камушке взяться настоящей воде? Просто иллюзия, обман чувств.

К вечеру Эйхгорн начал отмечать у себя признаки обезвоживания. Все сильнее хотелось пить, моча потемнела, двигаться становилось все труднее.

Но Эйхгорн продолжал терпеливо перебирать ногами. Он снуло смотрел на далекий горизонт, на дрожащий над ним воздух и немелодично напевал себе под нос:

— Коварная пустыня напрасно ждет поживы...

Следующий день встретил Эйхгорна песчаной бурей. Как обычно, он лег спать под утро, проснулся в обед и увидел впереди плотную серо-желтую стену. Ветер с каждой минутой усиливался, неся с собой настоящий шквал мелко-го песка.

Эйхгорн закутал поплотнее лицо, накрылся всей одеждой, что у него была, и лег ничком на наветренной стороне дюны. В таком положении он находился около двух часов — медленно дыша и стараясь не шевелиться.

Когда буря наконец стихла, Эйхгорн выпрямился и не узнал пейзажа. Рисунок барханов полностью переменялся. Одни ветер полностью разгладил, другие, напротив, насыпал. Прямо перед Эйхгорном вырос на редкость громадный — семьдесят, а то и восемьдесят метров в высоту.

Несколько мучительных минут Эйхгорн переводил взгляд, решая, обходить ли бархан слева или справа. Он стоял точно посередине. Оба варианта отнимут равное количество времени и усилий.

Выбирать из двух одинаковых вариантов — невыносимая пытка.

В конце концов Эйхгорн стиснул челюсти, поправил рюкзак и полез напрямую.

— Бомбар терпел и нам велел... — зло бормотал он, увязая в рыхлом песке.

Добравшись до вершины, Эйхгорн обвел все вокруг пристальным взглядом. Он отчаянно нуждался в воде. Искал любые признаки родника — пятна растительности или роя-

щихся мошек. Возможно, какие-нибудь знаки, указатели. Следы животных могли бы о многом рассказать.

Впрочем, высматривать все это следовало до начала бури. Теперь если что и было — занесено песком.

Упорно шагая дальше, Эйхгорн размышлял, не смастерить ли ему солнечный конденсатор. У него было немного целлофана, и он мог сделать емкость, отрезав верхушку у пластиковой бутылки. Если положить ее в ямку и накрыть пленкой, влага под лучами солнца будет испаряться из песка, конденсироваться на пленке и стекать в емкость. Таким образом можно добыть воду даже в самой сухой пустыне.

Только вот процесс это очень долгий. За сутки один солнечный конденсатор производит полтора литра воды, не больше. Можно повысить производительность, сделав два или три таких, но Эйхгорну не из чего их делать. Основная проблема в целлофане — его очень мало. Конечно, годится любая прозрачная, не пропускающая воду пленка... но, кроме целлофана, ничего подходящего нет.

Поразмыслив, Эйхгорн решил сделать один солнечный конденсатор перед тем, как лечь спать. Жалкие пол-литра воды его не спасут, но хотя бы дадут лишнее время. Каждый дополнительный час может оказаться тем самым часом, который приведет к колодцу, каравану, оазису или вообще краю пустыни.

Но, видимо, сегодня Кто-То-Там решил проявить снисходительность. До солнечного конденсатора дело не дошло. Солнце еще не успело зайти, когда Эйхгорн заметил к северо-западу зеленое пятнышко.

Сначала он решил, что это мираж. Но все равно пошел прямо к нему — направление изменилось не критично, зато шанс на спасение возрос значительно. И спустя еще два часа подъемов и спусков по барханам стало очевидно, что миражом тут и не пахнет.

Впереди в самом деле оазис.

До кромки зелени оставалось больше километра, но воздух уже заметно посвежел. К тому же на землю опустилась ночь, принесла с собой прохладу, и Эйхгорн ускорил шаг.

Оазис. Остров жизни в море песка. Довольно-таки крупный — полтора, а то и два километра в ширину. Определить длину пока что затруднительно, так что площадь остается неизвестной.

Но главное — там есть растительность. Значит, есть вода. А возможно, и пища.

Конечно, пищи у Эйхгорна пока что вдоволь, но он не отказался бы от свежих фруктов. Да и от чего угодно другого.

А главное — ему до смерти хотелось пить.

Озеро. Вот что привлекло внимание Эйхгорна, как только он ступил на траву. Впереди маячила лазурная гладь — и не было большей улады для глаз жаждущего.

Рухнув на колени, Эйхгорн сбросил рюкзак и первым делом плюнул в озеро. Слюна быстро растворилась — уже хорошо. В грязной воде она нередко застывает.

Неприятных запахов тоже не ощущалось. Прозрачность не идеальная, но вполне допустимая. Конечно, Эйхгорн предпочел бы сделать лабораторный анализ или хотя бы вскипятить воду, но... а, какого черта! Он просто зачерпнул полный колпак термоса и принялся жадно пить. Теплая и не очень вкусная, сейчас эта жидкость была ему слаще любого нектара.

Напившись, Эйхгорн заполнил все емкости, уселся на корточки и принялся осматриваться. Озеро оказалось довольно большим — семьсот, а то и восемьсот метров в диаметре. Питается, по всей видимости, из подземного источника. Вероятно, когда-то он пробился на поверхность и создал водоем, а уже вокруг него сформировался оазис.

Некоторое время Эйхгорн еще просто лежал на берегу, раскинув руки. Он заслужил небольшой отдых.

Пятнадцать минут. Пятнадцать минут он позволил себе бездельничать под сенью струй. Потом Эйхгорн поднялся, схоронил рюкзак у приметного камня и двинулся изучать этот уголок зелени, взяв с собой только термос. Возможно, здесь живут люди или опасные животные — и это надо выяснить.

Оказалось, что как минимум люди здесь действительно живут. Довольно скоро Эйхгорн наткнулся на небольшую делянку, засеянную ячменем. Колосья уже налились зернами — не сегодня завтра пора собирать урожай.

Неподалеку имелось и жилье — скромная хижина из четырех древесных стволов и переплетенных меж ними листьев. Листья, растущие на одном из местных деревьев, отличались небывалыми размерами — прямо зеленые опахала.

В хижине никого не было. Эйхгорн не стал заходить внутрь — просто постоял на пороге, разглядывая внутреннее убранство. Там лежала циновка, плетеная корзина, кое-какая посуда и инструменты. В дальнем конце стояло нечто вроде алтаря.

Судя по обстановке, здесь живет всего один человек. Пол чистый, пыли на вещах нет — ушел недавно. Возможно, находится где-то поблизости.

Кроме хижины и ячменной делянки в оазисе нашлись и другие деяния людских рук. На одном из берегов озера были деревянные мостки, в зарослях Эйхгорн заметил расставленные силки, а в укромном месте неподалеку — нечто вроде погребка. Хранились там в основном плоды какого-то дерева.

А через некоторое время обнаружился и сам хозяин. Эйхгорн услышал приглушенный, уже совсем слабый крик и, идя на него, оказался перед глубокой ямой, вымощенной изнутри камнем. Похоже на пересохший колодец.

На дне ямы сидел человек. Усталый, одетый в рубаху и шаровары феллах. При виде Эйхгорна он испустил радостный вопль и быстро-быстро залопотал.

Сначала Эйхгорн решил, что слышит какой-то другой язык. Но нет, это оказался все тот же парифатский — именно на нем говорят в Парибуле, Кинелии и всех остальных Маленьких Королевствах. На нем же говорят и в Нбойлехе, а также в куче других стран. В этом мире парифатский куда более распространен, чем английский на Земле, — сложно сыскать человека, который не мог бы на нем изъясниться.

Просто человек в яме, как совсем недавно Эйхгорн, страдал от жажды. У него так пересохло во рту, что речь стала неразборчивой.

Недолго думая Эйхгорн кинул в яму термос. К чести сидящего там, он мгновенно догадался, что это такое и как его открыть, — и уж до чего его это обрадовало!

Через несколько минут Эйхгорн знал всю историю. Оказалось, что этот феллах (звали его Ак-Джо Матсхариди) нечто вроде пустытника. Отшельничает тут в оазисе, вдалеке от людей. До ближайшего поселения больше дня пути, караваны ходят редко, так что обычно ему никто не мешает.

Но вот позавчера в его оазис забрел ужасный Ах-Мес-Соо-Тка-Ди — настоящий бич этих мест. Зная, что добра от этого разбойника не жди, Ак-Джо бросился бежать не разбирая пути... и провалился в сухой колодец.

— А зачем здесь вообще колодец? — осведомился Эйхгорн. — Озеро же рядом.

— Озеро всегда на своем месте, — согласился Ак-Джо. — Но что, если оно пересохнет? Где брать воду?

— Так в колодце же все равно нет воды.

— Конечно нет. Она же вся в озере.

Эйхгорн посмотрел на этого идиота снулым взглядом, но в дальнейший спор вступать не стал. Просто спросил, есть ли у отшельника лестница или хотя бы веревка.

— Нету, — развел руками тот. — Силки разве что.

— Видел я твои силки. Слишком короткие.

— А мне других и не нужно, — ответил Ак-Джо. — Я же мясо не ем. Всякий зверь тоже любит жизнь — кто я, чтобы ее отнимать?

Теперь Эйхгорн заподозрил, что перед ним сумасшедший. Не потому, что он вегетарианец и гринписовец, а потому, что при всем этом он таки расставляет силки.

Хотя, может, они нужны не для охоты? Может быть... Эйхгорн крепко задумался, пытаясь придумать силкам альтернативное применение.

— Друг, помоги же мне, прошу тебя! — напомнил о себе Ак-Джо.

Эйхгорн решил спросить о силках потом. Он трижды обошел вокруг колодца, ища способ вытащить из него человека.

Веревки нет. Плести ее долго. Лестницы тоже нет, и делать ее тоже долго. Нету и подходящих жердей или достаточно длинных веток. Дерево ножом не срубить, а топора или пилы у Эйхгорна нет...

В конце концов Эйхгорн прибег к старому проверенному способу. Колодец находился на самой границе оазиса, буквально в паре шагов от песчаной дюны. Эйхгорн сходил в хижину феллаха за корзиной, наполнил ее песком и молча опорожнил в колодец.

— Друг, что ты делаешь?! — испуганно возопил Ак-Джо. — Чем я обидел тебя, что ты закапываешь меня заживо?!

— Не тупи, — ровным голосом ответил Эйхгорн. — Просто утрамбовывай песок.

К чести феллаха, он быстро понял замысел. Корзину за корзиной Эйхгорн опорожнял в колодец, тот становился все мельче, и вот уже совсем скоро грязный и чихающий феллах вылез наружу.

И в этот момент Эйхгорн нашел альтернативное решение проблемы. Можно же сделать веревку, просто связав рукавами и штанинами предметы одежды! Того, что есть у Эйхгорна, вполне хватит... только теперь уже не нужно.

— Где мой термос? — недовольно спросил Эйхгорн.

— Терма... а, твой железный кувшин? Прости, друг, кажется, он остался там, внизу... — развел руками Ак-Джо.

Эйхгорн некоторое время смотрел в колодец. Лишиться термоса не хотелось. В отличие от всяких там айподов это реально полезный предмет. Где он тут найдет другую емкость с такими свойствами?

Хотя можно изобрести что-то подобное самому. Использовать тот же жаркамень, например. Просто сделать кувшин с двойным дном, замуровать туда такой камешек... хотя нет, они же со временем тают. Причем самые маленькие — очень

быстро. Значит, дно придется делать отвинчивающимся и жаркамни периодически менять...

Эйхгорн решил обдумать эту идею как-нибудь на досуге, а пока все-таки вернуть свой старый термос. В данный момент это проще, чем изобретать новый.

Более-менее отряхнувшись от песка, спасенный полез обнимать своего спасителя. Эйхгорн брезгливо отстранился и попросил лопату или мотыгу.

— Зачем?.. А, откопать твой железный кувшин? — догадался Ак-Джо. — Не трудись, друг, я сам его тебе откопаю! Я твой навеки должник — в этой жизни и в двух следующих!

Эйхгорн бросил на феллаха снулый взгляд. Выходит, он не севирист — у тех другая система загробной жизни. Наверное, местный аналог буддиста. Причем расчетливый — должником себя соглашается считать только в трех жизнях, а не во всех, сколько их еще предвидится.

— Не знаю, кто ты и как здесь очутился, но мне ты спас жизнь, — продолжал Ак-Джо. — Теперь мой дом — твой дом, все мое — твое. Остайся в благодарность погостить хоть на несколько дней, а я за это время откопаю твой кувшин.

Эйхгорн на секунду задумался, потом кивнул. Отдохнуть денек-другой в цветущем оазисе будет и впрямь неплохо.

ГЛАВА 3

Сидя в яме, Ак-Джо изрядно проголодался. Но долг гостеприимства требовал вначале накормить гостя — и он не вкусил ни крошки, пока не приготовил трапезу для Эйхгорна.

Впрочем, поделиться нищей феллах мог немногим. Две ячменные лепешки, немного орехов и фиников, а также напиток черкши. Без сахара, очень горький и терпкий.

Вынесши угощение, Ак-Джо обнаружил своего гостя в озере. Эйхгорн решил воспользоваться моментом и искупаться — благо вода была теплой парного молока. Улегшись

на спину и раскинув руки в стороны, землянин блаженно отмокал.

— Друг, осторожно! — беспокойно крикнул Ак-Джо. — В этом озере живут лягушки!

— Да наплевать... — проворчал Эйхгорн, жмурясь под горячим солнцем.

И тут совсем рядом что-то проплыло. Что-то большое. Эйхгорн почувствовал движение воды, и его ступню даже чем-то задело... чем-то жестким и шершавым.

Остаться в озере стало как-то неудобно. До Эйхгорна вдруг дошло, что в этом мире лягушки могут быть несколько крупнее, чем на Земле. Он торопливо перевернулся на живот и погреб к берегу.

Очень вовремя. Едва он выбрался на сушу, как на поверхность всплыло нечто вроде мокрого бревна. Метра два в длину, бугристое, серо-зеленое, с парой холодных глазбугорков...

— Это же крокодил, а не лягушка! — возмущенно воскликнул Эйхгорн.

— Прости, друг, я не силен в зоологии... — пробормотал Ак-Джо.

Крокодил вылез на мелководье и улегся там, пристально рассматривая двуногих. Взгляд у него был какой-то... приглашающий. Пасть рептилия не раскрывала, но и без того было ясно, что у нее на уме.

Оазис перестал казаться таким уж райским местечком.

— Они на сушу не вылезают? — осведомился Эйхгорн, вытираясь полотенцем.

— Нет, никогда, — отмахнулся Ак-Джо. — Не беспокойся, друг. Лягуш... крокодилы всегда в озере. Ждут, когда кто-нибудь придет на водопой. Главное, смотри в оба, когда набираешь воду, и никто тебя не схватит.

Эйхгорн поправил очки. Вернуть на место вторую линзу он так и не смог, так что смотреть в оба пока не получалось.

— Что-нибудь еще хищное в твоём оазисе водится? — осведомился он.

— Да нет, друг, только ля... крокодилы. Но вообще зверья много. Джейраны часто забегают, зайцы есть, сурмутики...

Последнее слово прозвучало для Эйхгорна бессмысленно, но он не стал уточнять. Главное, что эти сурмутики не опасны для человека.

Весь следующий день Эйхгорн провел в безделье. Крокодилы действительно на берег не выходили, хотя на мелководье постоянно виднелись бугристые силуэты. Особенно утром и вечером — днем, когда палило солнце, они уходили на глубину.

Особыми размерами эти ящеры не отличались. Полтора-два метра, не больше. Зверья в оазисе и вокруг него хватало, других источников воды в пределах досягаемости не было, а в озере водилась еще и рыба — так что крокодилы жили припеваючи.

Эйхгорн тоже немного половил рыбу на самодельную удочку. Леску из конского волоса и пару крючков он упаковал еще в Парибуле — благо весили они считанные граммы.

Однако клевало плохо. За полдня Эйхгорн поймал всего одну рыбешку, похожую на тощего карасика. Он испек его в золе и съел с картошкой.

Ак-Джо от души угощал Эйхгорна всем, что у него было, но было у него так мало, что Эйхгорн даже сам поделился с ним припасами. От суджука отшельник отказался наотрез, а вот сухарей и лука погрыз.

Сама собой прояснилась загадка силков. Оказалось, что Ак-Джо расставлял их вокруг ячменной делянки, чтобы отлавливать пустынных зайцев и других вредителей. Но, поймав, он не ел их и даже не убивал... своими руками. Этот странный тип привязывал добычу на берегу озера... где ее, разумеется, поедали крокодилы.

Эйхгорн подивился такой потрясающей нелогичности и предложил занять в этой системе место крокодила. Ак-Джо охотно передал ему пойманного зайца и ушел, насвистывая.

Этим вечером Эйхгорн ужинал жареной зайчатиной.

Еще день спустя Ак-Джо принялся жать созревший ячмень. Делянку он возделывал совсем маленькую, от силы на четыре сотки, но урожай собирал трижды в год. Эйхгорн попытки помочь не сделал — да и не требовалась там помощь. С этой горстью колосьев феллах управился за пару часов, одним серпом.

Ячмень он сразу же обмолотил примитивным цепом, а потом принялся дробить на примитивной зернотерке. Эйхгорн, которому уже стало скучно, некоторое время считал зерна, а потом предложил Ак-Джо построить водяную мельницу.

Конечно, для этого придется частично запрудить озеро или выкопать арык, зато потом появится возможность распахать не эту жалкую делянку, а целое поле. Используя воду для ирригации, оазис можно будет продлить, отвоевать у пустыни еще часть земли, создать здесь нормальное земледельческое хозяйство. Тогда не придется жить впроголодь, экономя каждую крошку.

Однако Ак-Джо посмотрел на Эйхгорна снисходительно и даже с какой-то жалостью. Затевать все эти работы он отказался наотрез, сказав, что ему одному хватает того, что есть, а создавать больше, чем тебе требуется, — раздувать скопидомство.

Особенную неприязнь вызвала у него идея водяной мельницы. Оказалось, что Ак-Джо — правоверный началист. Большинство адептов этого культа живут вполне обычно, как все, но самые упоротые, подобно Ак-Джо, не едят мяса, не убивают даже насекомых и всячески упрощают свою жизнь.

Любая машина-де — зло. У человека, который пользуется машиной, сердце становится машинным. Такой человек утрачивает свое естество и отходит от Начала. Поэтому лучше молоть зерно вручную, чем применять механизм.

Эйхгорн выслушал все это со снулым взглядом. Спорить не стал. Он вообще предпочитал не спорить с идиотами.

На следующий день Эйхгорн стал собираться в дорогу. Ак-Джо нарисовал на песке примитивную карту окрестно-

стей — оказалось, что до Ибудуна уже недалеко. Километров пятьдесят... или шестьдесят... или семьдесят. Ак-Джо просто сказал, что от оазиса до города два дневных перехода.

— А сколько это во вспашках? — попытался уточнить Эйхгорн.

— Во вспашках?.. — задумался Ак-Джо. — Э, друг, да какая разница?

Эйхгорну была разница. Он всегда хотел знать точное расстояние. Чем точнее, тем лучше.

А вот Ак-Джо не видел в этом никакой надобности. Он беззаботно пожал плечами и сказал:

— Друг, я не мерил. Да и можно ли измерить так много земли?

— Можно, — заверил Эйхгорн.

— Даже если можно — зачем? Все равно это только маленький кусочек мира. А весь мир измерить уж точно невозможно.

— Возможно, — возразил Эйхгорн. — Я это сделал. Радиус этой планеты — двадцать пять тысяч двести сорок пять вспашек. Плюс-минус энное число на погрешность измерения.

Ак-Джо снисходительно рассмеялся, похлопал Эйхгорна по плечу и сказал:

— Ты хороший человек, друг, но ты говоришь ерунду. У мира нет никакого радиуса — он же треугольный.

Эйхгорн посмотрел снулым взглядом. Простейшие наблюдения убеждают в том, что Парифат имеет форму шара. Вероятно, это скорее геоид, и даже более сплюснутый, чем Земля, но это уже частности.

— Почему ты считаешь, что мир треугольный? — неохотно разлепил губы Эйхгорн.

— Друг, это же очевидно. Три — совершенное число, которому подчиняются даже боги. Всего в этом мире по три. Существует три мировых треугольника — нижняя твердь, воздух и верхняя твердь. По углам нижняя и верхняя тверди соединены великими змеядухами, а нижняя твердь возле-

жит на плечах трех великанов. Частей света в мире тоже три, и все это вертится вокруг великого стержня, который находится в центре масс...

Ак-Джо еще некоторое время распинался, но Эйхгорн уже не слушал. Его не интересовала мифологическая космогония. Плоская земля, слоны и черепахи, сосцы небесной коровы... почему все это не осталось в каменном веке?

— ...А если в самом деле хочешь узнать точный размер Парифата — спроси об этом у Ках-Ура Местермегази, самого прославленного нбойлехского астронома, — донеслось до Эйхгорна. — Мэтр Местермегази знает все на свете.

Взгляд Эйхгорна стал осмысленным. Эти слова феллаха его заинтересовали. Побеседовать с настоящим астрономом, пусть даже средневековым, будет отнюдь не лишним. По крайней мере, он выяснит, что известно о собственном мире здешним ученым, и будет знать, что имеет смысл открывать, а что уже открыто до него.

Чертовски жаль, что так и не удалось приобрести Озирскую энциклопедию. Этот пробел надо будет тоже восполнить... как-нибудь потом. Благодаря королевским отпускным в карманах Эйхгорна сейчас три золотых регентера, семь серебряных и денежная расписка. Остальные сбережения он истратил на постройку самолета.

— Где искать этого астронома? — спросил Эйхгорн.

— Да неподалеку от Ибудуна. У него там башня — у любого спроси, покажут. Только поторопись, а то сегодня уже... какой сегодня день?

— Бриллиантового Тигра, — ответил Эйхгорн.

— А, тогда ты еще успеешь. Мэтр Местермегази предсказал, что умрет в день Бирюзового Крокодила. У тебя еще больше луны в запасе.

— Предсказал?... — переспросил Эйхгорн. — Он что, еще и прорицатель?

— Нет, астролог.

— Астролог?... — слегка скис Эйхгорн. — Ты же сказал, что он астроном.

— И астроном тоже. Это ж одно и то же.

Эйхгорн стал подыскивать слова, чтобы объяснить, насколько это не одно и то же. Но слова не желали подыскиваться.

— Друг, а что не так? — удивленно спросил Ак-Джо, уловив недовольство Эйхгорна.

— Меня интересует астрономия, — неохотно ответил тот. — Не астрология.

— А почему? Ты что, не веришь в астрологию?

Эйхгорн посмотрел снулым взглядом. Верит ли он в астрологию? Глупее вопроса не придумать. Эйхгорн всегда и во всем искал доказательств, но если оных нет — это еще не означает, что идея несостоятельна. Возможно, доказательства отыщутся позднее. Однако если идея опровергнута — верить в ее истинность может только полный идиот, не желающий смотреть в лицо фактам. А несостоятельность астрологии как идеи доказывается простейшими математическими методами.

Однако он решил все же заглянуть к этому астроному-астрологу. В конце концов средневековые астрономы Земли тоже часто промышляли гороскопами — надо же было как-то зарабатывать на жизнь. Кто виноват, что за эту ахирию платили лучше, чем за научные исследования?

Перед уходом Эйхгорн поужинал ячменной кашей. Он бы предпочел что-нибудь мясное, но очень уж Ак-Джо хотел угостить его плодами своих трудов. Сидя на берегу и прихлебывая безвкусную жижицу, Эйхгорн сверлил взглядом лежащего в грязи крокодила. Тот время от времени зевал.

— Будешь в Ибудуне, передай поклон моим родичам, — попросил Ак-Джо. — Мой дядя — добрейшей души человек, он будет тебе рад.

— Передам, — согласился Эйхгорн. — Где мне его найти?

— Да на невольничьем рынке спроси, тебе всяк покажет. Дядя Ук-Хар — очень уважаемый работорговец.

На этот раз взгляд Эйхгорна стал снулым очень надолго. Но в конце концов он переварил этот оксюморон и молча кивнул. Добрейшей души работорговец, ладно. Бывает.